

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Кровавая кулиса / Валерий Шарапов. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Совет-
ская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-205620-8

В своей квартире зверски убита актриса Марианна Полянская. Расследование поручено капитану Владиславу Урядову и старшему лейтенанту Александру Дееву. Оперативники выявляют основных подозреваемых — племянницу убитой, которой та незадолго до смерти завещала квартиру, и бывшего мужа актрисы. Оба в бегах, значит, действительно причастны к расправе над родственницей. Сыщики организуют поиски и вскоре задерживают беглецов. Но на допросе выясняется неожиданное: оказывается, племянница актрисы была в тот роковой день в квартире тети и видела все своими глазами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205620-8

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Августовское солнце разливало теплые лучи по московским улицам. В этот год в начале августа температура воздуха днем не опускалась ниже двадцати пяти градусов тепла, балуя школьников, отдыхающих на летних каникулах, радуя дачников, с нетерпением ожидающих, когда поспеют на кустах пузатые томаты, щадя водителей трамваев, вынужденных кататься по кругу вместо того, чтобы нежиться на пляже где-нибудь в пригороде на Москве-реке. Легкий ветерок нежной свежестью шевелил начинающую увядать зелень листвы, красные флаги на правительственных зданиях и многочисленные занавески в цветочек в распахнутых настезь окнах многоэтажек.

Дом номер семнадцать на Серпуховской улице не был исключением. Тюли и занавески с первого до последнего этажа синхронно

колыхались в такт августовскому ветру. Исключением было лишь одно окно на втором этаже. Закрытые фрамуги, задрапированные толстыми шторами, выбивались из общего рисунка. Редкие прохожие с недоумением покачивали головами, удивляясь странным предпочтениям хозяев квартиры, которые добровольно замуровали себя пыльными шторами в такой чудесный день.

Они бы сильно удивились, если бы узнали, что хозяйка квартиры номер семнадцать ничуть не меньше своих соседей любит свежий воздух. Более того, август месяц для нее имеет особое значение, и все же она намеренно отказывалась от пролады, свежего воздуха и прочих благ последнего летнего месяца. Ради чего? Ради искусства, разумеется!

Да-да, именно ради искусства актриса знаменитого московского Театра имени Пушкина Марианна Полянская задрапировала все без исключения окна в трехкомнатной квартире, некогда принадлежавшей ее семье, а теперь являющейся исключительно ее собственностью.

В скромной квартире на Серпуховской Марианна Полянская проживала добровольно. Много раз ей предлагали переехать в более престижный район, где и квартиры больше, и контингент жильцов намного благонадежнее, но всякий раз актриса отказывалась от

лестного предложения. К чему ей другая квартира, когда здесь, на Серпуховской, прошло ее детство? Здесь она сделала свои первые шаги по дощатому полу «трешки», в те времена немалой роскоши даже для коренных москвичей. Здесь она окончила школу, здесь познала первую любовь, вышла замуж, а затем благополучно развелась. Отсюда, из этих стен, проводила в последний путь отца и мать. Так чего ради теперь, когда жизнь клонится к закату, когда за плечами пятьдесят лет и перспектива обзавестись семьей уже не светит, вдруг что-то менять?

И потом, в квартире она проводит не так много времени, а из театра ее возит на шикарной «Волге» личный водитель, так что неудобств удаленность от цивилизации актрисе не приносит. Здесь и только здесь она чувствует себя комфортно, к тому же ее квартира имеет несомненное преимущество перед любыми новомодными и престижными апартаментами. Стены квартиры практически звуконепроницаемы. Об этом позаботился покойный отец Полянской, еще в те времена, когда она, худощавый подросток с тонкими косичками, торчащими в разные стороны, жирными прыщами по всему лицу, но несокрушимой верой в свою исключительность, объявила родителям, что собирается стать актрисой. И не просто актрисой, а великой актрисой всех времен и народов.

Полянская до секунды помнила тот день, когда поняла: театр — это ее призвание. Случилось это в далеком тридцать шестом году, когда ее, тринадцатилетнего подростка, мать повела во МХАТ, где гениальный Николай Горчаков ставил пьесу не менее гениального Михаила Булгакова «Мольер». Шестнадцатое февраля 1936 года — этот день она будет помнить до конца жизни. Спектакль произвел настоящий фурор. Занавес поднимали двадцать два раза, требуя аплодисментами актеров и автора на сцену. А она, скромная Маречка, так ласково называли ее родители, сидела не дыша, боясь пошевелиться и спугнуть тот восторг, который был рожден в ее сердце гениальной игрой актеров.

«Я тоже так хочу! Хочу волновать сердца людей так, чтобы было больно дышать, чтобы каждая клеточка испытывала трепет. Что сравнится с тем восторгом, который должны испытывать актеры после такого спектакля? Да, я должна стать актрисой! Я должна сыграть роль Мадлены и произнести ее трагический монолог так, чтобы у зрителя остановилось сердце от боли и сострадания!» Примерно такую речь Полянская произнесла перед матерью и отцом, вернувшись из театра. Мать печально покачала головой и отвела взор, а отец, крикнув, заявил: «Что ж, придется озаботиться звукоизоляцией. Если ты желаешь стать ак-

трисой, начинать тренироваться нужно уже сейчас».

И она начала тренироваться, отдавая все силы, всю глубину своей души творчеству. Она жила мечтой, что когда-нибудь она выйдет на сцену в костюме Мадлены Бежар, возлюбленной Жана-Батиста Поклена де Мольера, трагическая судьба которой вдохновила ее на титанический труд, и покорит сердца своего зрителя.

К славе Полянская шла долгим тернистым путем. Война, будь она неладна, спутала планы девочки-подростка. В сорок первом с военным эшелоном ее семья переехала в далекий город Оренбург, в те времена переименованный в Чкалов, где у матери жили родственники. Там Полянская прожила девять лет, но ее мечта о театре не угасла, и как только семья вновь вернулась в Москву, первое, что она сделала, — записалась на театральные курсы при не так давно открывшемся Театре имени Пушкина.

1950 год был для молодого театра и его новоиспеченного главного режиссера Василия Ванина знаковым годом. Большая часть труппы досталась Ванину по наследству от закрытого Камерного театра, здание которого и отдали под Пушкинский театр. Чтобы «вливать в потрепанные вены свежую кровь», Ванин организовал при театре курсы для молодых актеров, набирая в труппу и тех, кто успешно обучался театральному делу, и тех, кто обучение только

планировал. Перед Ваниным Полянская выступала со знаменитым монологом Наташи Ростовской. Монолог «У зеркала», пронизанный жгучей сладостью и любовью, был выбран не случайно. Полянская понимала, что в свои двадцать семь не сможет произвести впечатление на главного режиссера выбором «старухи» Мадлены Бежар, но исполнить что-то столь же душераздирающее очень хотелось.

Монолог «У зеркала» имел успех, Полянскую зачислили в театральную студию и в тот же год предложили играть в основной труппе. Без образования и опыта, без специальных навыков и знания закулисных привычек! Это была настоящая удача, которой Полянская обязана великому Ванину, разглядевшему в неуклюжей девушке потенциал. В благодарность за предоставленную возможность Полянская ни разу за двадцать три года театральной карьеры не изменила Пушкинскому театру, несмотря на то что предложения поступали в большом количестве.

И вот теперь, после двадцати трех лет верности, Марианна Полянская собиралась изменить родному Пушкинскому и уйти во МХАТ. Почему? Да потому что в этот год режиссер МХАТа вновь планировал ставить «Мольера». Да-да, ее «Мольера»! Как могла Полянская упустить такую возможность? С далекого тридцать шестого неоднозначного «Мольера» ставили всего однажды в Театре Ленинского комсо-

мола, и пробиться в труппу оказалось нереально. Полянская даже не пыталась. Но теперь... Теперь она не могла себе позволить спастись, не могла упустить и этот шанс. В родных стенах Пушкинского роли Мадлены ей не дожидаться, она давно это поняла. Вот почему в конце театрального сезона она отказалась от выездных гастролей, сославшись на слабое здоровье, которое в последние годы и правда ее подводило, и осталась в Москве.

Она сама пошла во МХАТ, добилась встречи с главным режиссером и с порога заявила, что роль Мадлены должна играть она. Без перехода она прочла монолог Мадлены. Прочла так, что главный режиссер, повидавший на своем веку немало актрис, какое-то время не мог произнести ни слова, замороженный игрой Полянской. Обретя дар речи, он сказал всего два слова: «Роль ваша». Полянская поклонилась и вышла. Окрыленная успехом, она прилетела домой и с тех пор репетировала, репетировала и репетировала. Что значил затхлый воздух в квартире по сравнению с тем счастьем, которое испытывала актриса! Она будет играть Мадлену Бежар! Она будет играть возлюбленную Мольера! И не где-нибудь, а на той самой сцене, на которой она впервые увидела Мадлену и влюбилась в эту роль окончательно и бесповоротно.

— Я родила ее в провинции, уехав на время от Мольера. Когда же она выросла, я привезла

ее в Париж и выдала за свою сестру. Он же, обуеваемый страстью, сошелся с нею, и я уже ничего не сказала ему, чтобы не сделать несчастным и его. Из-за меня он совершил смертный грех! — последнее слово взлетело к потолку на пронзительно высокой ноте, Полянская поморщилась и рухнула на диван. — Нет! Это никуда не годится! Просто не годится!

Полянская репетировала роль почти три месяца, до премьеры оставалось не больше трех недель, и оттачивать мастерство, по сути, не было необходимости, но актрисе казалось, что она все еще не готова. Превозмогая усталость, она заставила себя подняться, сделала два глубоких вдоха и начала сначала.

— Я родила ее в провинции...

Звонок в дверь прервал монолог. Актриса поморщилась, но пошла открывать. Не накинув цепочку, распахнула дверь и воззрилась на седенькую старушку, стоявшую на пороге.

— Доброго денечка, Марианна Николаевна, — приветливо поздоровалась старушка и тут же перешла к нравоучениям: — Снова вы распахиваете дверь, не озаботившись тем, чтобы поинтересоваться, кто к вам пожаловал! Сколько раз ваш покойный отец предупреждал вас, что подобное поведение недопустимо, тем более в наши беспокойные времена!

— Бросьте, Антонина, кому придет в голову лезть в квартиру одинокой актрисы? Что, ска-

жите на милость, у меня брать? Старые занавески или, быть может, газеты пятилетней давности?

— Не скажите, Марианна Николаевна, вор, он всегда найдет, чем поживиться. — Старушка бесцеремонно отодвинула хозяйку, освобождая проход, и прошла в гостиную. — Ох, ну и духотища у вас! Вы бы хоть окна открыли, выпустили свежий воздух. На улице погода просто волшебная, а у вас здесь как в склепе.

— Вы же знаете, Антонина, я репетирую. Звуки с улицы мешают сосредоточиться. — Полянская прошла следом за старушкой, предвзительно прикрыв входную дверь.

— Снова репетируете? Ох, Марианна Николаевна, вам о старости думать пора, о том, кто поднесет вам стакан воды перед смертью, а вы все роли учите!

— Я еще не так стара, — обиженно произнесла Полянская. — К тому же мне есть кому поднести стакан воды.

— Это вы о Лизавете? Хороша подмога! — Старушка фыркнула, выражая презрение. — И где же ваша помощница сейчас? Крутит хвостом перед очередным ухажером?

— Лиза не настолько ветрена, как вам бы хотелось думать, — вступилась за девушку Полянская. — Она учится в институте. А кавалеры? Так что с того? Ей всего двадцать четыре, может позволить себе душить голову парням.

— Она и вам голову задурила, — гнула свое старушка. — Какая она вам родня? Седьмая вода на киселе, а туда же, в племянницы наби-вается. И как вы не понимаете, что весь ее ин-терес сводится к столичной жилплощади!

— Она действительно моя племянница, пусть и двоюродная. К тому же у нее, как и у меня, родни не осталось. Почему мы не можем искренне привязаться друг к другу и под-держивать нежные отношения?

— Нежные отношения? Когда это Лизавета была к вам нежна? Разве что после того, как вы на нее свою квартиру переписали. Да ваша матушка в гробу перевернулась, когда вы совер-шили эту глупость! И это в пятьдесят-то лет!

— Все, хватит. Мне надоел этот разговор. — Полянская решительно взмахнула рукой, за-ставляя старушку замолчать. — Говорите, зачем пришли, и уходите. У меня нет времени на раз-говоры обо всех этих глупостях.

— Я почтальон, моя дорогая, зачем еще я могу к вам прийти, если не по трудовой надоб-ности? — Старушка поставила на стол потре-панный портфель из кожзаменителя, отщелк-нула никелированный «язычок», покопалась в недрах баула и выудила на свет толстую пачку писем, перевязанных бечевкой. — Вот. Это за две недели.

— Все мне? — Полянская не сумела скрыть радости. — Надо же, все пишут.

— Ваши поклонники знают вам цену, не то что эта пигалица Лизавета. — Старушка не упустила возможности подпустить шпильку. — Она хоть к вам захаживает иногда?

— Разумеется, Антонина. — Полянская положила руку на плечо старушки. — Лиза приходит ко мне почти каждый день. И сегодня собиралась, так что беспокоиться обо мне не стоит. У меня все хорошо, и Лиза обо мне заботится. Это правда.

— Хорошо, коли так. — Старушка внезапно прослезилась. — Эх, Марианна Николаевна, я ведь с вашей маменькой пуд соли съела, вы у меня на глазах из прыщавой пигалицы в невероятную красавицу превратились, а теперь вот живете в своей квартире как затворница. Ни семьи, ни детей.

— Только не начинайте, Антонина, — в голосе Полянской зазвучали предостерегающие нотки. — Вы знаете, я нисколько не жалею о своем решении.

— Выгнать мужа за один проступок? Разве же это решение? Это глупость несусветная, вот что я вам скажу. И кто из мужиков не погуливал в свое время? Думаете, мой благоверный так все пятьдесят лет нашей совместной жизни возле моей юбки просидел? Нет и нет! Гулял и он, да только остепенился, когда я ему Сашеньку родила. И ваш бы остепенился, а вы его поганой метлой!

— Ладно, Антонина, за письма спасибо, за заботу тоже благодарю, но в жизнь мою не лезьте. Я с ней сама разберусь.

Полянская положила письма на стол и решительным шагом направилась к входной двери. Старушке-почтальону не оставалось ничего другого, как только последовать за хозяйкой. Распровавшись на пороге, старушка ушла. Полянская вернулась в комнату и принялась разбирать письма. Обычно актриса радовалась, получая письма поклонников. Она перебирала их, прочитывая каждое от начала и до конца, выделяя особо понравившиеся места, группировала по разделам, откладывая те, что сильнее запали в душу, чтобы в минуты тоски и одиночества перечитывать их снова.

Но сегодня привычное занятие не доставило удовольствия. Мысли крутились вокруг поднятой Антониной темы. Лиза, ее Лиза. Девушка, которая внезапно появилась в ее жизни полтора года назад, на которую она изливала всю нерастраченную материнскую любовь и заботу, остается с ней лишь из-за квадратных метров столичной квартиры? Полянской не хотелось так думать о племяннице, но слишком уж часто в последнее время они стали ссориться. Пустяковые ссоры, обычные бытовые разногласия, но они причиняли актрисе боль.

Два месяца назад Лиза предложила переехать к Полянской. Сказала, что за ее здоровьем

нужно кому-то следить, раз уж у самой тетушки не хватает на это времени. Актриса, за десять лет, минувших после развода, привыкшая жить свободно, ни на кого не ориентируясь и ни с кем не считаясь, категорически отказалась от предложения племянницы. Она не настолько стара и беспомощна, чтобы обременять собой девушку. Так она сказала Лизе, но на самом деле она просто не желала поступиться своей независимостью. А Лиза словно не слышала, твердила о том, что актрисе нужно хорошо питаться, регулярно гулять, пить витамины, и она, ее племянница, обо всем этом позаботится.

На прошлой неделе произошел настоящий скандал. Такого Полянская никак не ожидала. Лиза приехала в пять часов вечера, убралась в квартире, наготовила еды на неделю, даже заставила актрису выйти из дома и прогуляться пару кварталов, заявляя, что свежий воздух пойдет ей на пользу. Вернувшись с прогулки, они вместе поужинали, посмотрели какой-то незатейливый фильм, после чего актриса решила еще раз отрепетировать диалог из пьесы «Мольер». Она намекнула племяннице, что той пора уходить, но девушка словно не понимала намеков. Пришлось Полянской прямым текстом сказать племяннице, что та загостилась и ей пора возвращаться домой. На это девушка ответила, что планировала переночевать у тетки, мотивируя это тем, что актриса в последнее

время плохо выглядит, у нее несвежий цвет лица, отеки, повышенное давление и за ней надлежит присматривать.

Разговоры о самочувствии никогда не радовали Полянскую, но слышать такое от цветущей девушки оказалось невыносимым. Впервые в жизни актриса кричала на другого человека не по роли, а выражая собственные эмоции. Она обозвала Лизу лгуньей, завистницей и, кажется, что-то сказала про квартиру. После этого Лиза сникла, тихо собралась и ушла, прикрыв за собой дверь.

Торжествовала Полянская недолго, буквально через час ее начали мучить угрызения совести. За что она так обошлась с девушкой? Ведь давление у нее и правда скакало уже больше года, а когда она начинала репетировать, то запросто могла забыть и о еде, и о приеме лекарств, и о свежем воздухе. Тогда почему слова Лизы так ее ранили? Ответ казался очевидным: актриса попросту завидовала молодости Лизы. Но признаться в этом она не могла даже самой себе.

После ссоры Полянская не ждала, что Лиза когда-нибудь вернется, но девушка приехала на следующий день. Стоя на пороге теткиной квартиры, она произнесла пламенную речь, достойную наивысших театральных наград:

— Что бы вы обо мне ни думали, в чем бы меня ни обвиняли, я вас не брошу! Вы — моя

плоть и кровь. Вы единственный человек на земле, которого я люблю, которому доверяю и к которому испытываю величайшее уважение. Вы — мой кумир, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы вы жили долго и счастливо. Даже если вы будете каждый день прогонять меня, я все равно буду возвращаться. Я знаю, ваше сердце смягчится, дурные мысли уйдут из головы, и мы будем счастливы вместе.

После такой тирады обе расплакались. Обнявшись, прошли в гостиную, где Полянская заявила, что будет учить Лизу театральному мастерству, потому что именно сегодня увидела в ней тот потенциал, который разглядел когда-то в самой Полянской режиссер Ванин. Следующая неделя прошла как обычно, за исключением того, что Полянская действительно стала давать уроки актерского мастерства своей племяннице. К теме переезда они не возвращались, и внешне, казалось, все утряслось. И все же время от времени Полянская ловила себя на мысли, что Лиза не оставила идею переехать из комнаты в общежитии при институте в ее квартиру, и это омрачало существование актрисы.

— Ну почему жизнь не может быть легкой? — отбросив письма, воскликнула вслух актриса. — Почему всякий раз, когда мне кажется, что жизнь налаживается, происходит что-то, что отбрасывает меня назад, в пучину тоски и отчаяния? Неужели мне, как моей

любимой героине, суждено умереть в терзаниях и одиночестве?

В дверь снова позвонили, актриса взглянула на часы, стрелки показывали без четверти двенадцать. Полянская встала, поправила волосы и зашагала к входной двери.

* * *

Старший лейтенант Александр Деев сидел в кабинете Москворецкого отдела милиции, жевал сухой бутерброд с подсохшей котлетой и размышлял о жизни. Вчера ему исполнилось двадцать восемь лет, и в связи с этим на опера убойного отдела накатила хандра. «Что-то ты в этой жизни делаешь не так, друг Сашка, что-то упускаешь. Важное упускаешь! Понятно, что начал не с того, что слишком долго искал свой путь. И все же обидно, что твой друг детства, закадычный товарищ по детским шалостям и забавам, который старше тебя на год лишь номинально, так как рожден тридцать первого декабря, уже тринадцать месяцев носит капитанские погоны, а ты лишь неделю назад «удостоился» звезд старлея, и обогнать его тебе уже не удастся. Четыре года форы, которые получил твой друг, пока ты, по совету матери, пытавшейся сделать из тебя великого музыканта, просиживал штаны в музыкальном училище, даром не прошли. Теперь тебе всю жизнь ходить у него в подчиненных».

— Здорово, Саня. Вижу, ты снова погружен в философские размышления о смысле жизни? — предмет печальных мыслей старшего лейтенанта Деева капитан Владислав Урядов вошел в кабинет, прервав размышления друга. — Чего хандрим, старлей?

— Вечно ты не вовремя, — проворчал Деев. — Сидел человек, обедал, и тут ты со своими вопросами.

— Выбрасывай никчемный сиротский обед, ворчун, я сегодня угощаю. — Капитан сбросил ноги старлея с края стола и водрузил на их место холщовую сумку.

— Ого, увесистая. — Деев, любитель поесть, моментально забыл о хандре и сунул нос в сумку. — Что тут у нас?

— Выкладывай на стол, есть жуть как хочется. В семь утра чай пустой выпил, а сейчас уже почти три. — Капитан Урядов придвинул стул к столу напарника.

Уговаривать Деева не пришлось, и через пару минут на столе образовалась приличная гора снеди: малосольные огурчики в алюминиевой миске с прилипшими веточками укропа и пластинками чеснока, румяные пирожки, завернутые в трехслойную газету «Московский комсомолец», куриные яйца, сваренные вкрутую, томаты, на вид только с грядки. И, конечно, король стола — отварной картофель в эмалированной кастрюльке болотного цвета, еще дымящийся, так как рука

заботливой хозяйки обернула ее двумя слоями вафельных полотенец.

— Ты где все это взял? — Деев удивленно разглядывал «дары». — Какую-то старушку в электричке ограбил?

— Почему в электричке? — Довольный произведенным эффектом, Урядов благодушно улыбался.

— А где еще? В гастроном старушки с такой поклажей не ходят, — резонно заявил Деев. — Ясно же, собралась старушка за город, по своим садово-огородным заботам. Может, и не одна собралась, судя по количеству в продуктовой корзинке, может и всем многочисленным семейством. Набрала продуктов, чтобы и на обед, и на ужин хватило, а ты у нее из-под носа ее торбу и увел. Сидит теперь старушка в пустом вагоне электрички, слезы уголком головного платка утирает и с тоской вспоминает о потертых деликатесах.

— Фантазия у тебя, Саня, как у сказочника Андерсена. Не было никакой электрички, а продуктами меня соседка снабдила. В благодарность за внимание и заботу.

— И какое же ты ей внимание уделил, товарищ Урядов? — Деев весело подмигнул другу. — Не знал я, что ты дамский угодник.

— Никакой я не угодник, а соседке семьдесят два года, и продовольственный паек мне выдан за отремонтированный кран на кухне.

— Семьдесят два? Так я тебе и поверил, — продолжал подшучивать Деев. — Значит, у старушки внучка лет двадцати пяти, рыжеволосая красавица с фигурой...

— Ну все, мне твои насмешки надоели, — прервал друга Урядов. — Не хочешь есть — сиди голодный. А мне на твои глупости время тратить неохота.

— Ладно, не злись, — Деев примирительно похлопал друга по плечу. — От еды только дураки отказываются, а я глупостью никогда не страдал. С чего начнем, повелитель мисок и половника?

Ответить капитан Урядов не успел. На его рабочем столе заработал селектор внутренней связи. Вздохнув, Урядов подошел к столу и поднял трубку.

— Капитан Урядов слушает, — произнес он. Выслушав ответ, Урядов вздохнул еще тяжелее и положил трубку. — Наелись, Саня. Полковник к себе вызывает.

— Полковник? Начальник отдела? — глаза Деева от удивления полезли на лоб. — Почему нас, а не Горыныча?

Георгий Мартынович Котенко служил в отделе начальником отдела по расследованию убийств, на разговорном сленге — убойного отдела. Затеяливое отчество майора мало кто выговаривал целиком, сокращая до «Мартыныча». Подчиненные рангом ниже в шутку